

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Материалы научной конференции

(18 апреля 2018 г.)

Луганск

2018

УДК 821.161.1' 06 (06)
ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43
Р 89

Рецензенты:

Соболева И.А. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ширина О.А. – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков с латинским языком и медицинской терминологией ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки».

Зайцева И.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия имени М. Матусовского».

Р 89 **Русская литература на рубеже тысячелетий : проблемы изучения и развития** : материалы научной конференции. – (Луганск, 4 апреля 2017 года) / под ред. : Л.В. Черниенко. – Луганск : 2017. – 132 с.

В сборник «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» включены статьи, основанные на сообщениях и докладах, представленных на университетской научной конференции с международным участием «Русская литература на рубеже тысячелетий: проблемы изучения и развития» (4 апреля 2017 г.)

Материалы отражают проблемы современного литературного процесса и вопросы, связанные с традициям классиков XX столетия, в произведениях рубежа тысячелетий. Сборник адресован широкому кругу читателей: вузовским преподавателям, школьным учителям, аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 821.161.1' 06 (06)
ББК 83.3 (2Рос) 6, 0я43

© Коллектив авторов, 2017
© ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

Черниенко Л.В.

г. Луганск

**«СТРАННЫЕ ЛЮДИ» В ТИПИЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
(ЕЩЕ РАЗ О ГЕРОЯХ В. ШУКШИНА)**

В общем, требуют нравственного героя. В меру моих сил я и пекусь об этом. Но только для меня нравственность – не совсем герой. И герой, конечно, но – живой, из нравственного искусства, а не глянцеви́тый манекен, гладкий и мертвый, от которого хочется отдернуть руку.

В. Шукшин.

В.М. Шукшина нет с нами уже более 40 лет, но дискуссии о жанрах, проблематике, творческом методе этого талантливого писателя продолжают. И активнее всего – о его персонажах, о тех самых «чудиках», которыми одни восхищаются, другие считают ненормальными и даже социально вредными.

Интересны размышления самого писателя о человеческих типах, приведенные в статье «Нравственность есть правда»:

«Человека трезвый, разумный, конечно же, везде, всегда до конца понимает свое время, знает правду, и если обстоятельства таковы, что лучше о ней, правде, пока помолчать, он молчит. Человек умный и талантливый как-нибудь, да найдет способ выявить правду. Хоть намеком, хоть полусловом – иначе она его замучает, иначе, как ему кажется, жизнь пройдет впустую. Гений обрушит всю правду с блеском и грохотом на головы и души людские. Обстоятельства, может быть, убьют его, но он сделает свое дело. Человек просто талантливый – этот совершенно точно

отразит свое время (в песне, в поступке, в тоске, в романе), быть может, сам того не поймет, но откроет глаза мыслящим и умным.

Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени, вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродиевые, кликуши, странники не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках), и не стоило бы, может быть, так многозначительно вступать в статью, если бы не желание поделиться собственными наблюдениями на этот счет...

Герой нашего времени – это всегда «дурачок», в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени – «грубый мужик». А невдомек им: если бы мои «мужики» не были бы грубыми, они не были бы нежными» [1, с. 53–54].

В каждом рассказе В.Шукшина перед читателем разворачивается внешне вроде бы обычная история, в которой нет ничего особенного. Но при внимательном чтении выясняется, что рассказы не так уж просты: в них заключена важная философская идея и отражен нестандартный человеческий характер. По своим жизненным проявлениям герои различны, но все они «чудаки» с точки зрения обыденного представления о том, как должен жить, вести себя взрослый, серьезный человек.

Один из самых известных рассказов Шукшина – «Чудик».

«Жена назвала его – «Чудик». Иногда ласково» [2, с. 136].

Чудика зовут Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет. Он работал киномехаником в селе. Любил делать добро людям, но получалось как-то неудачно, потому что Василий живет по тем нравственным законам, которые органичны для него, но непонятны большинству окружающих, тех, кто желает быть «как все», а нарушающих стереотипы высмеивают или даже ненавидят.

«Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются» [2, с. 144].

В этом рассказе интересно то, что повествование ведется от автора, но создается впечатление, что нам рассказывает о себе сам персонаж, настолько автор проникает в душу этого человека, его горестные раздумья.

По мнению автора, Василий Князев – из тех людей, которые создают атмосферу радости и добра бескорыстно. Но люди, привыкшие к другому поведению, считают его дураком, странным и смешным человеком.

Для Шукшина это парадокс, и он пытается донести до сознания читателя, что так не должно быть: людей недобрых, агрессивных, хитрых, изворотливых воспринимают как нормальных, а добрых, бескорыстных и открытых – как уродов, мешающих жить «нормальным».

Андрей Ерин, герой рассказа «Микроскоп», до определенного времени существовал «как все»: работал, выпивал, ссорился с женой. Но появилась в его обыденной жизни мечта, большая и благородная, для чего был куплен микроскоп, – уничтожить всех микробов на земле, чтобы люди не болели и жили долго, а может, и вечно. Малообразованный человек, он пытался убивать микробов тоненькой иглой, травить их скипидаром и водкой. Но сама мечта-то благородная. Микроскоп изменил его жизнь: «в последнее время Андрею было не до выпивок...» [2, с. 183].

Странным, чудаковатым кажется герой рассказа «Даешь сердце!».

«Дня за три до Нового года глухой морозной ночью. В селе Николаевке, качнув стылую тишину, гулко ахнули два выстрела. Раз за разом... Из крупнокалиберного ружья. И кто-то крикнул: – Даешь сердце!

Эхо выстрелов долго гуляло над селом. Залаяли собаки. Утром выяснилось: стрелял ветфельдшер Александр Иванович Козулин» [2, с. 329–330]. Козулин услышал по радио, что в Кейптауне впервые в истории современной медицины человеку пересадили сердце и свою радость выразил «салютом». Но милиционер и председатель сельсовета усматривают в этом только «нарушении общественного порядка».

Ветфельдшер был вынужден признать себя психически больным, так как почувствовал, что его собеседники никогда не поймут, что побудило Козулина салютовать.

Скромный, незаметный человек со смешной фамилией, который живет не так, как все привыкли, и ведет себя как-то подозрительно тихо и трезво, не может ограничиться только деревенской жизнью и лечением животных. Для него важно видеть дальше своего носа. И радуется он не только, когда зарплату получает, но и когда в мире происходит что-то важное, значительное. Козулин понимает, в отличие от милиционера, что пересадка сердца – это революция в науке. Поэтому ликует и салютует. Но никто здесь его не поймет. Все опять же посчитают его ненормальным.

«– Простите, не подумал в тот момент... Я – шизя.

– Кто? – не понял милиционер.

– Шизя. На меня, знаете, находит... Теряю самоконтроль. – Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза – пальцами. – Ширво коло ширво... Зубной порошок и прочее.

Милиционер и председатель недоуменно переглянулись.

– Простите, – еще раз сказал фельдшер.

– Да мы-то простим, товарищ Козулин, – участливо произнес председатель, – а вот как трудящиеся-то? Им некоторым вставать в пять утра. Вы же человек с образованием, вы же должны понимать такие вещи.

– Кстати, – по-доброму оживился участковый, – а чего вы-то салютовать кинулись? Ведь это не по вашей части победа-то, – вы же ветеринар. Не кобыле же сердце пересадили.

– Не смейте так говорить! – закричал вдруг фельдшер. И покраснел. Помолчал и тихо, и горько спросил: – Зачем вы так?» [2, с. 332].

На примере «обычного случая, связанного с нарушением общественного порядка» (ночью стрелять мог и какой-нибудь не в меру выпивший гражданин) Шукшин показывает, как трудно жить человеку, не соответствующему привычным меркам окружающих, среди непонимания и даже опасливого отношения к нему. Рассказ построен *на антитезе*, и в первую очередь противопоставляются различные модели жизненной позиции людей, разные мировоззрения. Для того, чтобы противопоставление было выражено четче и ярче, Шукшин вводит в рассказ *пространный диалог*, где герои прямо высказывают свое отношение к событию.

Еще более абсурдно с точки зрения здравомыслящего человека поведение Степана Воеводина из рассказа «Степка», сбежавшего из тюрьмы незадолго до освобождения.

Степан Воеводин отбывал срок, ему оставалось еще три месяца, но он очень соскучился по дому и родине, и сбежал, за что ему грозил новый срок, еще около двух лет.

Интересен разговор Степана с участковым:

«– Тебе же три месяца сидеть осталось!

– Знаю не хуже тебя... Дай закурить.

Участковый дал ему папиросу, закурил сам.

– Пошли.

– Пошли.

– Может, скажешь дома-то? А то хватятся...

– Три месяца не досидеть – и сбежать!.. – опять изумился милиционер. –

Прости меня, но я таких дураков еще не встречал, хотя много повидал всяких. Зачем ты это сделал?

Степан шагал, засунув руки в карманы, узнавал в сумраке знакомые избы, ворота, прясла... Вдыхал знакомый с детства терпкий весенний холодок, задумчиво улыбался.

– А?

– Чего?

– Зачем ты это сделал-то?

– Сбежал-то? А вот пройтись разок... Соскучился.

– Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый. – А теперь еще пару лет накинута.

– Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?» [2, с. 96–97].

Человек жертвует несколькими годами свободы, чтобы вдохнуть воздух Родины. С точки зрения обывательской логики, это – глупость, с точки зрения

автора – проявление высоких порывов души, того самого нелогичного патриотизма, который удивляет многих европейцев.

Смешны, нелепы, неразумны с точки зрения обывателей герои рассказов «Степкина любовь», «Сапожки», «Беспалый», «Верую!» и многих других.

Помещая своих героев-«чудиков» в обыденные, типичные обстоятельства, Шукшин усиливает контраст: существование по шаблону и жизнь по высоким духовно-нравственным принципам. И если нестандартный человек пытается приспособиться к стандарту, чаще всего это приводит к трагедии.

Таков рассказ «Жена мужа в Париж провожала», где главный герой Николай добровольно уходит из жизни, не в силах выдержать рутинное, безрадостное существование, где главная задача (его жены, тещи, тестя) – накопительство. А больше всего душа болит у Кольки за дочь, горячо любимого ребенка, которую уродуют мама и дедушка с бабушкой, превращая в такую же, как они. Человек чуткий, работающий, веселый и щедрый, Николай не видит выхода: понимая, что все в его жизни не так, ничего изменить не может. Шукшин не любил ситуаций безвыходности, но в этом рассказе он явно сочувствует герою, что особенно выделяется в сцене самоубийства, которая поражает сочетанием внешней обыденности и внутреннего эмоционального накала.

«Походил по кухне. Достал из потайного места початую бутылку водки, налил стакан, бутылку опять поставил на место. Постоял со стаканом... Вылил водку в раковину.

– Не обрадуютесь, гады.

Сел... Но тотчас встал – показалось, что на кухне очень мусорно. Он взял веник, подмел.

– Так? – спросил себя Колька. – Значит, жена мужа в Париж провожала? – Закрыв окно, закрыл форточку. Закрыв дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу. Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: «Доченька, папа уехал в командировку». Положил газету на видное место... И включил газ, обе горелки...» [3, с. 563–564]. Казалось бы, чего не хватало Николаю? Не хватало самого себя. Он потерял себя, поддавшись соблазну жить с теми, кто был ему чужим по духу.

Эта трагедия видимая, конкретизированная. Но Шукшин настаивает на том, что измена себе порождает множество скрытых трагедий.

Филипп Тюрин («Осенью») принёс в жертву внешним, социальным, обстоятельствам самое главное и ценное для души своей – любовь. И не только себя обездолил, но испортил жизнь еще трем людям – любимой Марье, ее мужу и своей жене. А себя обрёл на самые большие страдания: «Всю жизнь сердце плакало и болело. Не было дня, чтобы он не вспомнил Марью. Попервости было так тяжело, что хотел руки на себя наложить. И с годами боль не ушла» [2, с. 298]. Поэтому активный и оптимистичный до разрыва с Марьей Филипп стал жить без интереса, «на автомате», делая то, что требовали обстоятельства, и не более того (даже в экстремальной ситуации войны). Потом снова погружался в свою боль. Так измена себе деформировала личность, привела к тому, что человек незаурядный стал «винтиком» в социуме.

Чудики Шукшина – **по сути** люди исключительные, вынужденные жить в типичных, привычных, стереотипных обстоятельствах. Но автор наделяет своих любимых героев подчеркнуто обычной, незаметной внешностью: в толпе никто внимания не обратит. Таким образом, перед нами двойная антитеза: необычное мировоззрение и особый нравственный выбор, противостоящий стандартом социума, а оригинальность взглядов и поведения контрастна заурядной внешности.

Идеи, воплощенные Шукшиным в его героях, очень актуальны в начале XXI века, когда вместо чудаков все чаще в жизни и литературе на первый план выходят, по выражению самого писателя, «чудаки на букву «м», оригинальность зачастую заменяется ее имитацией, а приспособленчество (не выбиться из стандарта поведения) становится лучшим проявлением «умения жить».

Список литературы

1. Шукшин В.М. Нравственность есть правда. – М. : Сов. Россия, 1979. – 351 с.
2. Шукшин В.М. Беседы при ясной луне. – К. : Веселка, 1991. – 350 с.
3. Шукшин В.М. Повести и рассказы. – М. : Эксмо, 2007. – 800 с.